

заката и часа черезъ полтора послѣ заката. Онъ станвится тогда на молитву благоговѣйно: разстелетъ небольшой коверъ — седжадекъ, (который всегда у него съ собою), чтобы не стать колѣнами на нечистое мѣсто, возьметъ въ руки освященные суббахъ — четки и сотворитъ омовеніе; затѣмъ уже, обратившись лицомъ къ Каабѣ, т.е. той линіи, по направленію которой виднѣется полумѣсяцъ минарета, онъ произноситъ молитву. Сверхъ положенныхъ ракаатъ, Абдъ-Алла всегда еще прибавитъ нѣсколько поклоновъ во славу Бога, потому, что ему все извѣстно—Аллаху-далемъ!

Ни одной пятницы не пропускалъ Абдъ-Алла, чтобы не сказать проповѣди, чающему отъ него поученія народу. Какимъ являлся этотъ бывалый старикъ, искушенный жизнью и благочестивыми подвигами хаджи, когда прсизносилъ съ высоты каасръ свою пламенную рѣчь; какимъ огнемъ тогда блистали его черные глаза изъ-подъ сѣдыхъ длинныхъ бровей, какою силою и фанатизмомъ дышало каждое слово вдохновенной проповѣди того, кто Бога ради и пророка въ себѣ убилъ и воина, и сластолюбца, убилъ свои помыслы, свое собственное я. Въ каждый муллаѣтъ — день, посвященный воспоминаніямъ о пророкѣ — старый шейхъ говорилъ также свои вдохновенныя рѣчи, и тогда, по словамъ Юзы, во всемъ громадномъ Каирѣ никто не говорилъ лучше Абдъ-Аллы. «Самъ пророкъ (да будетъ благословенно имя его!) влагалъ силу и огонь въ уста сѣдовласаго старца на поученіе правовѣрныхъ, самъ пророкъ въ иные минуты говорилъ словами стараго шейха», и народъ въ трепетѣ внималъ пламенной рѣчи.

Только на праздникъ курбамъ-байрамъ не бываетъ въ Каирѣ вдохновенный проповѣдникъ-хаджа. Онъ молится тогда у гроба пророка, и тамъ у самаго подножья таинственной Каабы или на горѣ жертвоприношеній Араратѣ слышится его вдохновенная, горячая, какъ огонь рѣчь. Букчіевъ слышалъ эту проповѣдь стараго шейха и, удивляясь силѣ его краснорѣчія и огня, сравнивалъ ее съ трубою архангела Израфила, который будетъ трубить при всеобщемъ воскресеніи. Большой (курбамъ) байрамъ — величайшій изъ мусульманскихъ праздниковъ, когда коранъ открылся людямъ и, низойдя на землю, сталъ свѣточемъ правовѣрнаго человѣчества — лучшій день въ году для стараго хаджи. Онъ молится тогда не столько за себя у гроба Магометова, сколько за свою обширную паству; всю ночь онъ лежитъ тогда ницъ передъ святынею и ждетъ, когда тѣнь великаго пророка пройдетъ передъ нимъ и коснется его головы... Тѣ минуты — райское блаженство для Абдъ-Аллы; тогда онъ предвкушаетъ и